

Французская литература Возрождения

УДК 82-32

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-128-148

Диалог, беседа и новелла во Франции эпохи позднего Ренессанса

Ирина К. Стаф

Институт мировой литературы РАН, Москва, Россия,

irina.staf@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется модель повествовательных сборников, которая сложилась во Франции в последней трети XVI в. и которую принято обозначать термином «пестрые рассказы и речи» (книги Ноэля дю Фая, Николая де Шольера, Гийома Буше). Рассматриваемые обычно как тупиковая ветвь новеллистики, эти произведения возникли под влиянием рецепции французской литературой диалога в различных его ипостасях – гуманистического, затем платоновского. Благодаря трудам переводчиков и интерпретаторов этот жанр послужил основой новой формы диалога, «академической беседы» (*conversation, devis*). Вторым образцом для «пестрых рассказов» послужили сборники общих мест (*loci communes*): гуманистическая форма, будучи апроприрована городской средой, не только послужила популяризации гуманистического знания, но и задала структуру, в рамках которой стал возможен синтез практически всех малых прозаических форм, от поговорки до новеллы.

Ключевые слова: Франция, позднее Возрождение, «пестрые рассказы и речи», новелла, диалог, беседа

Для цитирования: Стаф И.К. Диалог, беседа и новелла во Франции эпохи позднего Ренессанса // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 128–148. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-128-148

© Стаф И.К., 2021

Late Renaissance Dialogue, Conversation and Novella in France

Irina K. Staf

*A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, irina.staf@gmail.com*

Abstract. The article analyses the model of narrative prose collections, which took shape in France in the last third of the 16th century, and which is commonly referred to as “sundry stories and speeches” (it includes books by Noël du Fail, Nicolas de Cholières, Guillaume Bouchet). Typically regarded as an abortive branch of novelistics, these works emerged under the influence of the reception in French literature of dialogue in its various hypostases – humanist, and later platonic. Due to the work of translators and interpreters, this genre became the basis of a new form of dialogue, “academic conversation” (or *devis*). The second model for “sundry stories” was the collection of common places (*loci communes*): the humanist form, when adopted by city culture, not only served to popularise humanist knowledge, but also to determine a structure within which it was possible to accommodate almost all the short prose forms, from a proverb to a novella.

Keywords: France, later Renaissance, “sundry stories and speeches”, novella, dialogue, conversation

For citation: Staf, I.K. (2021), “Late Renaissance Dialogue, Conversation and Novella in France”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 128–148, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-128-148

В последней четверти XVI в. во французской литературе возник феномен, получивший у историков название «пестрые рассказы и речи» (*contes et discours bigarrés*), «одно из самых поразительных явлений в литературе XVI века» [Lestringant 2011, p. 13]. Как правило, этим термином объединяются сочинения трех авторов – юриста, магистрата и писателя из Ренна Ноэля дю Фая («Рассказы и речи Этрапеля», 1585; изданы посмертно); литератора, либрария и печатника из Пуатье Гийома Буше («Вечерние беседы», 1584; 2-я часть – 1597; третья – 1598) и адвоката, затем приора Аббевиля Жана Дагонно, известного под псевдонимом Николя де Шольер [Loviot 1913] («Девять утренних бесед», 1585, и «Послеобеденные беседы», 1587).

Прежде чем попытаться выяснить специфику этих произведений, следует коротко остановиться на некоторых литературных

факторах, которые существенно повлияли на эволюцию сборника коротких рассказов во второй половине столетия.

Речь идет прежде всего о новой модели диалога, послужившей образцом для создателей «пестрых рассказов». Начиная с 1550-х гг. едва ли не вся французская словесность оказалась проникнута влиянием платоновских диалогов, переводы которых были призваны служить к украшению и славе национального языка [Flamand 2011, p. 42 sq.]. Платонизм 1540-х – начала 1550-х гг., возникший в окружении Маргариты Наваррской и в рамках первой французской «академии» – Пляеды [Yates 1947], сменился стремлением подражать Платону. При этом, вслед за *Proœtium* Фичино к переводу на латынь сочинений философа и его комментарием к «Пармениду», основной акцент ставился на разнообразии платоновского стиля и на фрагментарном, нелинейном характере изложения идей в диалогах. Луи Ле Карон в обращении к «любезным и благосклонным читателям», которым открывается диалог «Клер, или Об осмотрительности права», «настоящий манифест второй поэтической платоновской прозы во Франции» [Lecoïnte 1989, p. 49], пишет: «Полагаю я, что некоторые из вас читали “Диалоги” божественного Платона, каковой, рассуждая о философии... перемешивает разные речи – веселые, обыденные, домашние и вымышленные» (Le Caron 1554, f. aij v°). Понимание диалога как «смеси», пограничной между прозой и поэзией и заключающей в себе поиск истины через столкновение отдельных мнений (фрагментов), характерно и для Спероне Сперони, чьи «Диалоги» были переведены во Франции в 1551 г. В своей «Апологии диалогов» (1574) он объясняет выбор диалогической (платоновской) формы своих произведений тем, что не способен представить читателю некую единственную истину, достижимую посредством логики: «Что до меня, когда бы имел я некое твердое знание о том, о чем идет речь, то не создавал бы диалоги, а написал все по образцу Аристотеля» (Speroni 1596, p. 531).

Во многом благодаря рецепции платоновской формы диалога во французской (и не только) словесности сместилось само понимание жанра, унаследованное от диалога гуманистического. Развернутое изложение идей, конструирование культурно-нравственного идеала, характерное, например, для Кастильоне или Бембо, постепенно уступало место свободному разговору, беседе – тому, что во Франции обозначалось как *conversation* (или *devis*) и заключало в себе идею совместного приятного и в то же время полезного времяпрепровождения. Даже само слово «диалог» оказалось фактически вытеснено из заглавий большинства диалогических сочинений. Иллюстрацией этого различия между диалогом и *devis* может служить вводная часть «Диалога о добродетели» Беральда де Вер-

вила, продолжающего традицию «спора о женщинах»: собственно диалог между Дамой и Дворянином возникает на фоне вечернего собрания дам и кавалеров, где они ведут разговоры на самые разные темы. У добродетельных дам, пишет автор, в обычае вести беседы для времяпрепровождения и приобретения знаний; они «пользуются всяким моментом жизни для поиска знаний, обретая которые по праву считаются совершенными» (Bérolde de Verville 1584, f. 3 r°). Однажды во время этих «дружеских приятных бесед» одна из совершенных спорила о добродетели с неким дворянином, словно бы наставляя его, ни более ни менее... <...> ...Сочетая с обычной своей любезностью такое изящество, что могла бы убедить в чем угодно душу почти закоснелую...» (Bérolde de Verville 1584, f. 3 v°). Диалог, имеющий целью наставление и воспитание, вычленяется из дружеских бесед на досуге, во время которых дамы и кавалеры, обмениваясь знаниями, постигают моральную философию.

Вторым важным фактором, повлиявшим на распространение во Франции 1580-х годов нового типа диалога-*devis*, стал перевод диалогического трактата итальянского литератора и дипломата Стефано Гуаццо «Учтивая беседа» (1574). Невероятно популярный в Италии, он вышел по-французски в 1579 г. одновременно в Париже и Лионе – в двух переводах, выполненных Франсуа де Бельфоре и Габриелем Шапшюи. Трактат, или, по определению автора, «храм беседы» (*il tempio della conversazione*), представляет собой своеобразную сумму предшествующей диалогической традиции. Гуаццо создает первый в истории трактат о хороших манерах, предметом которого служит только и исключительно беседа: разговор предстает объединяющей силой общества и основой человеческой личности. «Ее высшая цель – взаимопомощь, ибо, лишь собрав вместе нескольких несовершенных людей, можно надеяться, что это собрание даст одного человека, обладающего всеми совершенствами... без нее никакого совершенства быть не может» [Guérin 2006, p. 243]. Тем самым главным ее достоинством служит разнообразие: «...более всех угодны... в разговоре те, кому Бог даровал благодатное умение (*grazia*) складно и без промедления рассуждать о чем угодно, ибо как весна с ее разнообразием цветов несет взору изумительную усладу, так и они подают невероятное утешение душам нашим разнообразием знаний» (Guazzo 1574).

Следствием подобного понимания *conversazione* оказывается парадоксальное противоречие между формой «Учливой беседы» и теми идеями, на которых возводится ее «храм». Гуаццо строит повествование по модели платоновских диалогов, где роль собеседника принадлежит рыцарю-меланхолику Гульельмо, а роль Сократа – врачуяющему его философу Аннибале де Маньокавалли.

Однако мудрость, которую проповедует Аннибале, предпочитающий говорить «скорее как простой горожанин, нежели как философ», разительно отличается от мудрости Сократа, опирающейся на логику и стремящейся к познанию неведомого. Учение Аннибале ближе всего к гигантской сумме *loci communes* (общих мест) (см.: [Moss 1996, Goyet 2018]), почерпнутых из множества античных философов, древних и новых поэтов, сборников-флорилегиев нападобие «Полиантеи» (1503) Нанни Мирабелли, а также пословиц и поговорок. Цель этой «настоящей энциклопедии Традиции, сокровищницы коллективного знания» [Guérin 2006, p. 245] – овладение «готовой» мудростью *auctores*, которую следует уметь применять к собеседникам и обстоятельствам и которая как раз и позволяет «складно и без промедления рассуждать о чем угодно».

Иначе говоря, *conversazione*, в отличие от платоновского диалога, – это беседа равных, основанная не на опровержении, а, напротив, на утверждении общепринятого, отлитого в форму сентенций и пословиц мнения. Ей чужда и логическая структура гуманистического диалога (тезис–антитезис–синтез); отказываясь от любой софистики, она предполагает не убеждение оппонента, а обмен теми фрагментами всеобщего знания, которыми обладает каждый из ее участников.

Ф. Герен, рассматривая мутацию диалога в *conversazione* (или *devis*) в период позднего Ренессанса, полагает, что речь идет «о смерти диалога, во всяком случае диалога гуманистического» [Guérin 2006, p. 236]. На наш взгляд, этот процесс имеет более сложный характер. Изменения, которые претерпевает диалог, можно назвать одной из форм апроприации ученой – в данном случае гуманистической – культуры широкими слоями читателей. Р. Шартье в своей статье о «народном» чтении ([Chartier 1995]; см. также: [Chartier 1984]) подчеркивает, что практически все тексты, составившие знаменитую «Синюю библиотеку», изначально принадлежат к «высокой» словесности и «к самым разным жанрам, но благодаря новой печатной форме... и новому способу распространения... попадают к публике, сильно отличающейся от той, что обеспечила им первый успех» [Шартье 2006, с. 202]. «Популяризация» диалога и связанных с ним культурных практик, как в рамках ренессансных академий XVI в., так и путем расширения читательской аудитории древних и новых образцов жанра благодаря переводам на народный язык и сравнительно большому для эпохи количеству изданий, привела к всплеску подражаний, ориентированных прежде всего на городского читателя. Диалог приобретает не только новое обличье, но и новые функции: руководство по «учтивому» поведению, предназначавшееся изначально образованной знати

и переработанное для всех и на все случаи жизни, включая беседы в семье, становится прежде всего средством обучения, своего рода пропедевтическим пособием для городского сословия, помогающим ему воспринять в доступной и занятой форме – поговорки, толкования к *loci communes*, фрагменты поэзии, фации, короткие новеллы и т. д. – массив знаний, который еще в начале века был достоянием гуманизма.

Влияние этого нового извода диалога в полной мере сказалось в «пестрых рассказах» Ноэля дю Фая, Гийома Буше и Николя де Шольера, возникших в эпоху, когда «читательская аудитория разнообразится, и эти сборники, сделавшиеся бестселлерами, позволяют более широкой публике получить доступ к культуре, почти неотделимой от развлечения. <...> Для авторов, за невозможностью охватить всю совокупность знания, речь идет скорее о том, чтобы предоставить будущим читателям “запас знания, и как бы [запас] из неких закров учености”, по словам Макробия к сыну в предисловии к “Сатурналиям”» [Thomine 2011, p. 211–213].

Несмотря на все различия между сочинениями трех этих авторов, общие черты в них безусловно преобладают. Трансформации, которые претерпел сборник коротких историй в последней трети столетия, особенно наглядно проявляются при сравнении двух текстов Ноэля дю Фая. «Рассказы и речи Этрапеля» (изд. 1585), продолжение более раннего сборника писателя, «Росказни, или Новые рассказы Этрапеля» (1548), более чем втрое превосходят по объему первую книгу и, при сохранении тех же главных персонажей – Этрапеля, Полигама и Лупольда, – значительно отличаются от нее по структуре.

«Росказни...» вписываются в традицию сборника развлекательных историй: об этом прямо говорит имя заглавного героя, почерпнутое, скорее всего, из «Разговоров запросто» Эразма и отсылающее к обширной античной (и средневековой) традиции, начиная с «Никомаховой этики» [Gaël 1970; Richard-Thomine 1997]. Основная функция Этрапеля – развеивать «меланхолию» у сельского дворянина Полигама (и у читателя). В начале главы IV он приглашает его на прогулку: «Сударь, вы словно проиграли в кости свои яички, такой вы меланхолический да унылый. Развеселитесь, ей-богу, так угодно королю» (Du Fail 1894, p. 44); в главе V призывает Лупольда «что-нибудь соврать» для развлечения господина. Он играет роль шута при сеньоре и ведет себя соответственно: во второй главе, будучи изгнан голодным с пирушки в доме некоего дворянина, он «как ни в чем не бывало вышел из-за стола, но в дверях залы громко испортил воздух со словами: “Детишки, становитесь приличными людьми”» (Du Fail 1894, p. 37–38). Нужно, одна-

ко, подчеркнуть, что шут этот, наподобие Панурга у Рабле, владеет всеми «языками культуры», от античной и придворно-куртуазной традиции до площадного юмора. Герой «Росказней...» сознательно изображает буффона, пародируя и высмеивая топику «высокой» словесности. Недаром его главным оружием служат прежде всего не проделки (как, например, в историях об Ойленшпигеле или Вийоне), но рассказы, а его голос часто неотличим от голоса автора-повествователя.

Совсем иначе организованы «Рассказы и речи Этрапеля», вышедшие без малого 40 лет спустя. Различие проявляется уже в названиях глав обоих сборников: если в «Росказнях...» повествование строится вокруг фигуры героя («Этрапель приводит к Полигаму крестьянина-рогоносца», «Этрапель рассказывает о собравшейся компании», «Этрапель, побывав на борьбе, отчаивается от голода»), то 33 главы «Рассказов и речей...» именуется «О Правосудии», «О времени нынешнем и прошлом», «Суды и последствия тяжбы», «О любви к себе», «О подагре», «О насмешке» и т. д. В заглавия выносятся морально-философские, медицинские, юридические вопросы, формулировка которых напоминает «Опыты» Монтеня.

Строятся «Рассказы и речи...» в полном соответствии с моделью *conversazione*. Бегло упомянув в начале коллективный характер дальнейших бесед, автор полностью отдает слово персонажам, троице нотаблей – насмешнику Этрапелю, осмотровому Полигаму и вспльчивому Лупольду. Причем их разговоры ведутся на равных: собеседники делятся друг с другом историями, суждениями, пословицами, остротами. Исходя из наличия троих равноправных участников беседы (идеальное число, по Гуаццо), можно было бы предположить, что книга воспроизводит модель гуманистического диалога, т. е. что позиции антиподов, Этрапеля и Лупольда, обретут синтез в речах Полигама. Между тем ничего подобного не происходит. Так, в последней главе («Уход Этрапеля») заглавный герой, заявляя о своем желании покинуть Полигама и уединиться на покое в деревне, произносит развернутое похвальное слово сельской жизни; Лупольд отвечает на нее не менее обстоятельной апологией города, перечисляя тяготы существования вдали от средоточия культуры. Выслушав обоих, Полигам журит Лупольда за излишнюю горячность и поспешность суждений и объявляет, что правы оба (Du Fail 1585, f. 219 r°). Беседа, в отличие от диалога, не имеет целью поиск некоей общей истины: то, что верно и полезно одному, не годится для другого. Не случайно сборник завершается характерной фразой: «Удалились они, Полигам к своему хозяйству и книгам, Этрапель к своей сельской философии... А Лупольд –

в страну и край консультаций и бумажек, ведь у всех троих было разное ремесло и разный образ жизни» (Du Fail 1585, f. 223 v°). Поэтому главное в беседе – удовольствие от рассуждений «о чем угодно», обмен подходящими к случаю историями и мудрыми сентенциями и проистекающее из этого *согласие*. В главе «Музыка Этрапеля» заглавный герой, ссылаясь на Платона, произносит страстную речь в защиту своего права говорить свободно и без оглядки на авторитеты; Полигам, который упрекнул было его за нападки на музыку, немедленно, «устыдившись» (*en hontoyant*), вспоминает об обычае древних в своих спорах и диалогах «сплетать из честной непринужденности многие веселые и развлекательные манеры речи» и призывает «в состязании двух разных либо противных мнений брать от каждого из них хорошие места и лучшие куски, дабы из этих несогласий возникло доброе согласие» (Du Fail 1585, ff. 101 v°–102 r°). Иначе говоря, беседа несет удовольствие не потому, что в ее ходе достигается и постигается некое прежде неведомое знание, но потому, что каждый участник может, разделив ее ткань на фрагменты («лучшие куски»), выбрать те, что наиболее близки именно ему.

В полном соответствии с поэтикой *conversazione*, не только собеседники не приходят – и не стремятся прийти – к общей истине, но и само повествование движется, по знаменитому выражению Монтеня, «прыжками и курбетами» (*à sauts et à gambades*). «Не говоря уже о том, что нередко названия глав не отвечают их содержанию, а самые разнородные темы соединяются не только внутри глав, но даже в заголовках: примером тому – странная глава XXXII “Кто отказался, потом локти кусает; и о глубоких стариках” (*Tel refuse qui après muse ; et des hommes bien vieils*)» [Cordiner 2011, p. 55]. Однако акцентированная хаотичность структуры в ряде случаев оказывается мнимой: точнее, организующие ее связи проявляются на более глубоком уровне, рассчитанном на образованную аудиторию. Один из примеров подобного иллюзорного разрыва приводит в своей статье о Дю Фае Ж. Полици [Polizzi 2011, p. 71–72]: в главе XII, «Ловко прикрытый адюльтер», Полигам излагает сюжет из Апулея – о любовнике, сумевшем вернуть забытые у чужой жены сандалии (история о Филезитере и рабе Мирмексе из Девятой книги «Метаморфоз»). Этрапель не понимает смысла истории, а Лупольд, заявив, что слышит ее впервые, начинает рассказ якобы на другую тему и совсем из другой эпохи – о старухе, посадившей любовника под плетеную корзину. Но именно новелла о старухе следует у Апулея непосредственно за историей с сандалиями! «Такой монтаж... интересен тем, что создает в ткани “Рассказов” ложный шов, видимость пестроты (*bigarrure*) там, где в действительности

сти речь идет о сознательном подхватывании того же интертекста» [Polizzi 2011, p. 72]. Уточним: интерес такого монтажа не столько в «удовольствии от узнавания», которое доставляет просвещенному читателю Дю Фай, сколько в том, что этот традиционный для гуманистической словесности прием он использует для создания эффекта «пестроты», фрагментарной, «модульной» [Jeanneret 1994] структуры, перенося его с отдельных элементов этой структуры на связи между ними.

М.-К. Бишар-Томин, рассматривая в своей книге о Ноэле дю Фае влияние диалогического жанра на «Рассказы и речи Этрапеля», приходит к выводу, что «подлинно философские споры в этом произведении отсутствуют: отдельные главы с дискурсивной доминантой можно назвать обменом моральными суждениями о современном обществе, однако во многих других дело ограничивается чередой анекдотов, вложенных в разные уста и призванных проиллюстрировать какую-нибудь общеизвестную поговорку, как правило, вынесенную в заглавие» [Richard-Thomine 2001, p. 103]. Действительно, «Рассказы и речи...» ориентируются не на классическую модель гуманистического философского диалога, но на продукт ее апроприации городской – или «академической», в широком смысле – средой, т. е. на беседу-*conversazione*.

Сходный способ построения сборника и близкие поэтические принципы лежат в основе «Девяти утренних бесед» и «Послеобеденных бесед» Николя де Шольера (Жана Дагонно). Сборники представляют собой своеобразный диптих: оба содержат по девять глав, каждая из которых посвящена обсуждению какого-либо вопроса, вынесенного в заглавие. «Утренние беседы» строятся вокруг двух основных мотивов. Во-первых, это восходящий к Боккаччо и его многочисленным последователям мотив бегства кружка рассказчиков от «чумы» окружающей реальности, в данном случае от религиозных войн; во-вторых, это почти дословно почерпнутый из «Учтивой беседы» мотив целительного воздействия *conversazione* на индивида: подобно тому как Аннибале у Гуаццо врачует больного меланхолией Гульельмо, друзья автора-рассказчика за девять дней излечивают его беседами от недуга и «мрачных мыслей». Сборник воспроизводит

...кое-какие приятные беседы, что вел я с несколькими друзьями, каковые, прознав, что по предписанию врача отправился я за город, дабы очистить мозг свой от удручавших меня мрачных мыслей одиночества, решили разделить со мной мою участь. Но оттого, что послеобеденное время было у меня занято, а еще, несмотря на то, что они тысячью забав пытались заставить меня забыть о моем недуге,

в означенную пору обычно случалась у меня лихорадка, решено было, дабы не отказываться от утешения, каковое, по мнению моему, особенно могло меня возвеселить, что станем мы в утренние часы, подобно философам, обсуждать какой-либо вопрос. <...> Вот так из уединения моего в полях как бы заново возродился в сих краях прославленный Ликей. А число девять, каковое я здесь выбрал, не без тайны: то был словно девятидневный молитвенный обет, излечивший меня от страданий к полнейшему моему удовольствию (Cholières 1585, A Monseigneur, Messire Louys de La Chambre).

Шольер не случайно именуется описанные им дружеские собрания Ликеем: скорее всего, дистрибуция бесед в двух его сборниках по времени суток пародийно отсылает к аристотелевской практике утренних лекций для «эсотериков» и вечерних – для «эксотериков». В самом деле, «Послеобеденные беседы» отличаются от «Утренних» не столько тематикой, сколько более выраженной ориентацией на развлечение. Если во время болезни автора-повествователя утренние философские беседы наделяются функцией исцеления тела и души, то вечерние, призванные ознаменовать победу над недугом, уподобляются «играм, принятым в античности, большинство коих родилось из желания сохранить память о каком-либо смелом и великом предприятии» (Cholières 1863, р. 10). Одновременно Шольер отсылает к традиции увеселений после вечерней трапезы, ссылаясь на пример древних греков, императоров Адриана, Нерона, Октавия, Тиберия, а также Альфонсо Арагонского – но не упоминая, возможно, основной свой образец, «Застольные беседы» Плутарха, где во второй книге «проводится разделение внутри жанра симпозиа: некоторые вопросы относятся к “застольным речам” (те, что касаются поведения за столом и дружеским манерам), а другие – к “речам после трапезы”, посвященным “какому-либо приятному рассуждению”» [Thomine-Bichard 2015, р. 295]. Так или иначе, послеобеденное время у Шольера эксплицитно отводится для дружеских забав, которые противопоставлены утренним «серьезным делам». Читателям же предлагается разделить с беседующими удовольствие, предавшись после обеда чтению. Иначе говоря, книга, пусть и имплицитно, сближается с традицией трактатов о хороших манерах, предлагая образец полезного и приятного времяпрепровождения, позволяющего всякому обрести довольство и радость.

Как и в «Утренних беседах», обсуждение каждый вечер строится вокруг какого-либо одного вопроса, мнение каждого подкрепляется сентенциями древних и новых авторов, пословицами, новеллами, латинскими цитатами и пр., однако интонация спора

и сами принципы поведения компании несколько меняются. Если утренние философские диспуты нередко ведутся агрессивно и едва не доходят до драки, то в послеобеденных усиливается роль повествователя (отождествляемого с автором), чья «функция – направлять разговор, регулировать его ритм», выступая не только свидетелем-секретарем, но и, «благодаря своему умиротворяющему вмешательству, гарантом воздействия произведения» [Arnould 2011, p. 136]. На первый план выходит, как и у Ноэля дю Фая в его последнем сборнике, – согласие, без которого общее удовольствие невозможно. Так, из авторского пролога к огромной главе IV («О Древе жизни») явствует, что компания даже договорилась о штрафах для тех, кто, заскучав, захочет уйти до конца очередной беседы:

...Придержал я вежливо свои соображения, дабы послушать, к какому решению придет эта послеобеденная беседа. Но не все из присутствующих разделяли мое мнение: трое или четверо, что около трех четвертей часа без труда выслушивали как сеньора Теофана, так и мадмуазель Эвтелию, после явно захотели броситься наутек. Однако ж из боязни штрафа, каковой, по общему нашему уговору, предписан был всякому, кто покинет компанию, пришлось им держаться до *plaudite* (Cholières 1863, p. 123–124).

Наконец, мы находим у Шольера настоящую развернутую апологию того утешительного для души разнообразия, какое Гуаццо полагал главным достоинством учтивой беседы. В обращении к читателям «Послеобеденных бесед» автор, предвосхищая возможные упреки в бессвязности рассказов, пишет:

Все, кто живет под одной крышей, дышат одним воздухом, однако ж чувства и желания у них не всегда и везде одинаковы. *Juxta illud, tot capita tot sensus* [Сверх того, сколько голов, столько и мнений. – *И. С.*]: сколько голов, столько и шляп. Каждому свое. Один хочет серую, другой зеленую, а третий любит только красные. Сперва совместите все эти различия либо засуньте все головы в одну шапку, тогда и допустим, что здесь все должно быть связано и соединено как-то иначе. ... стоит ли удивляться, что несколько человек не сходятся в одном? (Cholières 1863, p. 12–13).

Но наиболее полное выражение эта «академическая» модель диалога находит в «Вечерних беседах» Гийома Буше – несмотря на то, что в прологе-посвящении ко второй книге этого громадного компендиума автор подчеркнуто отказывается именовать описан-

ные им собрания Академией, ссылаясь на разнородный состав беседующих, среди которых есть и люди необразованные (Bouchet 1615, sine pag.), и на то, что, в отличие от членов академии, участники кружка днем вынуждены трудиться, а не предаваться ученым удовольствиям. Если учесть, что в обращении к читателям в первом томе Буше, напротив, опирается на авторитет платоновской Академии и «школы Аристотеля, именуемой Lycium» (Bouchet 1585, sine pag. Discours de l'Autheur sur son livre des Serees), подобный отказ свидетельствует скорее об уточнении образца, на который ориентируется печатник и судья из Пуатье. Несмотря на то что для Буше, как и для Шольера, основной моделью диалога служат прежде всего «Застольные беседы» Плутарха, к которым у него добавляются «Аттические ночи» Авла Геллия и «Сатурналии» Макробия [La Charité 2011], он настойчиво подчеркивает не только дружеский и демократичный, но и соседский характер описанных им собраний, представляя их как типично французский обычай, осененный славной античной традицией:

Не устану я восхвалять достойный обычай и образ жизни, какой в ходу во многих городах нашей Франции, когда родные, друзья и соседи стовариваются принести каждый немного своей еды домой то к одному, то к другому из них; каковые собрания по сей причине называли у латинян *convivia per vices agitata*, то есть такие, что устраиваются поочередно, одно за другим, среди соседей. И без всяких чрезмерных расходов и, как говорит Гесиод, со многим удовольствием и малыми тратами, услаждаются сотрапезники сим ужином, сведенные вместе приятным союзом и согласиём. Посему греки именовали эти пирушки *Symposia philetica*, а латиняне – *amica convivia*, то есть дружеские пиры (Bouchet 1585, sine pag. Discours de l'Autheur sur son livre des Serees).

Если у Гуаццо демократизм беседы предстает важнейшей, но скорее потенциальной чертой – поскольку ее идеалом, «храмом», служит беседа, возглавляемая герцогом Гонзага, который, как явствует из четвертой книги, поочередно посещает собрания своих подданных, – то у судьи из Пуатье он превращается в основополагающий принцип. Дабы избежать любого неравенства, как в «восстановлении тела» (*refection du corps*), так и в «восстановлении и услаждении духа» (*refection & contentement de l'esprit*), т. е. в еде и в разговорах, дружеское общество собирается за круглыми столами. Более того, книга Буше открывается не одним, а двумя прологами: обширной «речи» автора, обращенной к читателям, предшествует посвящение «Господам торговцам города Пуатье». Изъявляя благодарность за честь быть избранным коммерческим

судьей, автор, по его словам, хочет «оставить некий знак», свидетельствующий, насколько он обязан и признателен собратьям по купеческому цеху (Bouchet 1585, sine pag. A messieurs les marchands de la ville de Poitiers). Таким знаком и становится «книжечка» (*petit livre*), где, возможно, отразились обстоятельства – и бесспорно отразилась среда, в которой сложился замысел и которой адресованы «Вечерние беседы». В отличие от «Речи автора о своей книге», посвящение городским торговцам апеллирует отнюдь не к античной традиции и даже не к рыцарским романам, но к «добрым старым временам»:

...Свободные и веселые речи, что содержатся в оной [книге], отдают еще былым прямодушием добрых старых времен и простотой отцов наших, что с открытой душой проводили время, вместе беседуя и смеясь, прежде чем их бесхитростное и доброе естество испорчено было злосчастьем гражданских войн, в противостоянии коих исчезла дружба, согласие и вольность, коих не может быть без доверия между людьми (Bouchet 1585, sine pag. A messieurs les marchands de la ville de Poitiers).

Сочинение Буше развивается сразу в двух регистрах: с одной стороны, книжное знание, античные *auctores* (Гесиод, Пифагор, Платон, Аристотель, Плутарх, Цицерон, Зенон), высокий стиль; с другой – устная беседа, провинциальные горожане, обилие комических и скабрёзных историй, поговорок и реплик. Последнюю особенность автор, конечно, также стремится обосновать античной традицией, ссылаясь, в частности, на Цицерона и особенно на Платона; но взаимосвязь двух регистров у Буше гораздо глубже и объясняется не только и не столько подражанием древним. В «Вечерних беседах» куда отчетливее, чем у Дю Фая и Шольера – и за четыре года до выхода Третьей книги «Опытов» Монтеня с их главой о беседе, – звучит восходящая к трактату Гуаццо идея познавательного значения бесед, в ходе которых каждый может приобрести «познания в разных науках», недоступные для него в частной жизни (Bouchet 1585, sine pag. A messieurs les marchands de la ville de Poitiers). Коллективное знание сотрапезников бесспорно превосходит познания отдельного человека, которые он в одиночку черпает из книг.

Эта «пропедевтическая» установка подчиняет себе всю структуру сочинения Буше, доминируя над их диалогической формой (по словам Н. Кенни, «чистый объем учености, изложенной в каждой Вечерней беседе, далеко выходит за рамки подражания» живому разговору [Kenney 2011, p. 107]). Обрамляющая конструкция бук-

важно растворяется в массиве суждений и изречений философов, историков, ученых, ехемпра, забавных анекдотов и высказываний представителей различных сословий по самым разным вопросам.

Каждая из трех частей компендиума Буше разбита на 12 глав-бесед, посвященных какой-либо одной теме. Показательно, однако, что, несмотря на заявленную в «Речи автора» опору на авторитет Платона, Аристотеля и Пифагора, среди этих 36 тем – как, впрочем, и у Шольера и Дю Фая – полностью отсутствуют собственно философские. Среди них можно выделить две важные группы. Во-первых, значительное место в беседах занимают темы медицинские и, шире, телесные («О врачах и медицине» в Первой книге; «О хро-мых», «О зрении, глазах, слепых, кривых и косоглазых», «О горбу-нах, увечных и чудовищах», «О глухих и немых» во Второй; «О цир-рюльниках и зубной боли» в Третьей). Во-вторых, в Третьей книге отдельные главы посвящены «живописцам и живописи» и «музыке и музыкантам (*joüeurs d'instrumentens*)».

Все изобилие и разнообразие *loci communes*, от философских сентенций до новелл и анекдотов, которые автор подносит торговцам из Пуатье и читателю, прочно связано с повседневной жизнью горожан – во всех ее аспектах, от социальных и семейных отношений до болезней и увечий. Более того, эта повседневность обуславливает и внешне хаотичную структуру «Вечерних бесед». Н. Кенни, развивая брошенную вскользь ремарку А. Жанье, главного специалиста по творчеству Буше, о том, что застольный разговор у него чаще всего вводится словами «случай» (*occasion*) и «повод» (*cause*) [Janier 2006, p. 764, n. 57], справедливо отмечает стремление литератора из Пуатье «прежде всего нащупать связь между знанием и тем, что можно условно назвать жизнью, в том числе способ, каким первое может вклиниться во вторую... Буше представляет эти “поводы” и “случаи” для знания как очень част-ные; они коренятся в конкретных пространственно-временных рамках и скорее в непосредственном опыте телесной жизни, но в ходе беседы знание выходит на более общий уровень... Именно в таком понимании знания, неотделимого от частных жизней, Буше, по-видимому, видит главный смысл слегка измененного горациевского *locus*, который служит ему девизом на титуле книги: “*Et nugae seria ducunt*”, “И эти безделки ведут к серьезным вещам”» [Kenney 2011, p. 107]. Упомянутые в «Беседах» местный карнавал, церковная служба, свадьба, новогодние празднества или день рождения одного из гостей выступают не только ритуалами, вокруг которых строится жизнь горожан, но и повествовательными центрами притяжения, вокруг которых организуется беспорядочный «ворох» сентенций, почерпнутых из ученых авторов.

Этот «ворох» призван снабдить собеседников и читателя запасом мудрости, позволяющей применяться к превратностям бытия, познавая их и встраивая в более широкую философскую, научную и историческую перспективу.

Иными словами, Буше создает некое подобие народной энциклопедии, сборника *loci communes*, предназначенного для провинциальной городской среды, которая, впитав в себя начатки гуманистической учености, стремится расширить свои познания, а главное, найти им применение в практической жизни. «Есть сочинения... формальное строение которых неотделимо от смысла. Но есть и другие, где смысл обусловлен не столько присущими им структурами и формами, сколько целью, которая перед ними ставится, публикой, которой они предназначены, функцией, которой они наделены. Именно к этой категории сочинений относятся, на мой взгляд, “Вечерние беседы”», – пишет Ф. де Лажарт [Lajarte 2011, p. 99]. С этим выводом нельзя не согласиться – но с одной поправкой: диалогическая форма, которую выбирает Буше для своего поучительно-развлекательного компендиума, несет в «Беседах» не меньшую нагрузку, нежели их прагматическая функция.

Г.-А. Перуз, отмечая, что обрамляющая конструкция у печатника-судьи из Пуатье «находится при последнем издыхании» и автор не раз выступает от собственного имени, тем самым «приближаясь к жанру эссе, “опыта”» [Régouse 1977, p. 376], сетует на «насилие», которому Буше, подобно Ноэлю дю Фаю и Шольеру, подверг жанр новеллистического сборника [Régouse 1977, p. 370]. Между тем эксплицитно заявленная Буше ориентация на модель платоновского диалога (а не «Гептамерона», как полагает Перуз) обнажает еще одну особенность его замысла. Мы видели, что в восприятии позднего Возрождения стиль Платона создавал возможность, смешав в обсуждении несколько голосов, отказаться от единой для всех истины в пользу разнообразия частных мнений: именно по этому критерию Сперони противопоставляет его Аристотелю [Ménier 2013, p. 595–596]. Этот отказ от однозначности, от «навязывания» автором окончательного суждения, который отличает весь корпус текстов, объединяемых понятием «пестрые рассказы и речи», не только придает компендиуму Буше развлекательный, игровой характер, позволяющий читателю «приобрести всю эту энциклопедическую сумму познаний менее нудным образом, нежели в рамках жанра эссе» [La Charité 2011, p. 124], но и привносит в него заметный элемент скептицизма. Истина у Буше всегда относительна и обусловлена конкретным «поводом», которые в изобилии создает городская жизнь эпохи религиозных войн, не раз упомянутых в «Вечерних беседах». Подобно Сократу,

сомневающемуся во всем, и вслед за Сперони, Луи Леруа, Ноэлем дю Фаем, автор-рассказчик не поучает читателей, но предоставляет им, благодаря диалогической форме, свободу решать, какие из бесчисленных фрагментов знания, собранных им воедино, лучше всего применимы к определенной жизненной ситуации или проблеме.

Как мы попытались показать, сочинения Дю Фая, Шольера и Буше, которые предстают читателю «складами достопамятных деяний и речей, репертуарами культурных благ, принадлежащих всем и никому», где «анекдоты и ученые заметки, происшествия и моральные примеры, рассказы и каламбуры, обрывки вероучения и фрагменты народной культуры соседствуют друг с другом вперемешку» [Jeanneret 1994, p. 59], связаны с традицией новеллистического сборника не прямо, а опосредованно. Решающим фактором, вызвавшим к жизни этот тип произведений, стала рецепция во Франции диалога – сначала гуманистического, затем платоновского, который под пером переводчиков и толкователей лег в основание концепции «академической беседы», *conversazione* (во Франции – *devis*). Еще одной моделью для них послужили сборники *loci communes*: изначально гуманистическая, модель эта, будучи апроприирована городской средой, послужила не только средством распространения гуманистического знания, его популяризации, но и с точки зрения поэтики структурой, в рамках которой возник синтез едва ли не всех малых прозаических форм, от пословицы до новеллы.

Источники

- Béroalde de Verville 1584 – *Béroalde de Verville F.* Dialogue de la vertu. Par Francois de Beroalde sieur de Verville. Paris: pour Timothee Jouan, M D LXXXIII.
- Bouchet 1585 – *Bouchet G.* Serées de Guillaume Bouchet, Juge et Consul des Marchands, à Poitiers. Livre premier. Imprime sur la copie faite à Poitiers, 1585.
- Bouchet 1615 – *Bouchet G.* Les Serées de Guillaume Bouchet, sieur de Brocourt, divisées en trois livres... Dernière edition. Reveüe et augmentée par l'auteur. Lyon: imprimerie de S. Rigaud, 1615.
- Cholières 1585 – *Cholières N. de.* Les Neuf Matinees du Seigneur de Cholieres. Paris: chez Jehan Richer, ruë saint Jehan de Latran, à l'enseigne de l'Arbre Verdoiant, 1585.
- Cholières 1863 – *Cholières N. de.* Les Apres Disnees du seigneur de Cholieres. A Paris, chez Jean Richer, 1587. Raretés bibliographiques. Réimpressions faites, pour une Société de bibliophiles, à cent exemplaires numérotés... Bruxelles: Imprimerie de A. Mertens et fils, 1863.

- Du Fail 1585 – *Du Fail N.* Les Contes et Discours d'Eutrapel. Par le feu Seigneur de la Herissaye: Gentil-homme Breton. Rennes: pour Noël Glamet, de Quinpercotentin, 1585.
- Du Fail 1894 – *Noël du Fail.* Les Balivernerics et Contes d'Eutrapel / Avec notice par E. Courbet. T. I. Paris: A. Lemerre, 1894.
- Guazzo 1574 – *Guazzo S.* La Civil conversazione // Biblioteca Italiana [Электронный ресурс] <http://ww2.bibliotecaitaliana.it/xtf/view?docId=bibit000235/bibit000235.xml> (дата обращения 28.09.2020).
- Le Caron 1554 – Le Caron L. La Claire, ou De la prudence de droit, Dialogue premier. Plus, La clarté amoureuse. A Paris, par Guillaume Cavellat, 1554.
- Speroni 1596 – *Speroni S.* Dialoghi del sig. Speron Speroni nobile padovano, di nuovo ricorretti; A quali sono aggiunti molti altri non più stampati. E di più l'Apologia de i primi. Venetia: Appresso Roberto Meietti, M D XCVI.

Литература

- Шартье 2006 – *Шартье Р.* Письменная культура и общество / Пер. с франц. и послесловие И. Стаф. М.: Новое издательство, 2006. 270 с.
- Arnould 2011 – *Arnould J.-C.* *Les Matinées et Les Apresdisnées* du seigneur de Cholières: la bigarrure des «exercices philosophiques» // Contes et discours bigarrés / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 133–144.
- Bichard-Thomine 1997 – *Bichard-Thomine M.-C.* Les avatars du genre facétieux: facétie et eutrapélie chez Noël du Fail // La nouvelle de langue française aux frontières des autres genres, du Moyen Age à nos jours. Actes du colloque de Metz, juin 1996. Vol. I. / Sous la dir. de V. Engel et M. Guissard. Ottignies: Quorum, 1997. P. 122–135.
- Bichard-Thomine 2001 – *Bichard-Thomine M.-C.* Noël du Fail conteur. Paris: Honoré Champion, 2001. 627 p.
- Chartier 1984 – *Chartier R.* Livres bleus et lectures populaires // Histoire de l'Édition Française / Sous la dir. de H.J. Martin et R. Chartier. T. II. Le livre triomphant. 1660–1830. Paris: Promodis, 1984. P. 498–511.
- Chartier 1995 – *Chartier R.* Popular Appropriation: The Readers and Their Books // Forms and Meanings. Text, Performances, and Audiences from Codex to Computer. Philadelphia: Pennsylvania University Press, 1995. P. 83–97.
- Cordiner 2011 – *Cordiner V.* “Si les exemples servent de quelque chose, je sais un beau conte à ce propos”. Mélanges récréatifs et (surtout) didactiques dans *Les Contes et discours d'Eutrapel* // Contes et discours bigarrés / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 53–67.
- Flamand 2011 – *Flamand J.-M.* Loys Le Roy, traducteur et commentateur du Sympose de Platon (1558) // Loys Le Roy, renaissance & vicissitude du monde. Actes du

- colloque tenu à l'université de Caen (25–26 septembre 2008) réunis par D. Duport. Caen: Presses universitaires de Caen, 2011. P. 31–50.
- Gaël 1970 – *Gaël M.* Les Baliverneries d'Eutrapel de Noël du Fail (Etude historique et littéraire) // *Annales de Bretagne*. 1970. T. 77. № 4. P. 553–558.
- Goyet 2018 – *Goyet F.* Le Sublime du “lieu commun”. Invention rhétorique dans l'Antiquité et à la Renaissance. Paris: Classiques Garnier, 2018. XIV, 785 p.
- Guérin 2006 – *Guérin Ph.* La *Civile Conversation* de Stefano Guazzo: “du dialogue à la conversation” // Le dialogue, ou les enjeux d'un choix d'écriture (pays de langues romanes). Actes du colloque international organisé par l'Equipe d'accueil ERILAR les 17 et 18 octobre 2003 / Sous la dir. de Ph. Guérin. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2006. P. 235–296.
- Janier 2006 – *Janier A.* “Les Serées” (1584–1597–1598) du libraire-imprimeur Guillaume Bouchet (1514–1594) / Texte revu et corrigé par J.-Cl. Arnould. Paris: Champion, 2006. 1040 p.
- Jeanneret 1994 – *Jeanneret M.* Le récit modulaire et la crise de l'interprétation. A propos de l'*Heptaméron* // Jeanneret M. Le défi des signes. Rabelais et la crise de l'interprétation à la Renaissance. Orléans: Paradigme, 1994. P. 53–74.
- Kenny 2011 – *Kenny N.* “Ce qui occasionna ceste serée fut...”: les “causes” du savoir dans Les Serées de Guillaume Bouchet // *Contes et discours bigarrés* / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 103–116.
- La Charité 2011 – *La Charité C.* Les *Serées* de Guillaume Bouchet ou les saturnales polyphoniques // *Contes et discours bigarrés* / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 117–129.
- Lajarte 2011 – *Lajarte Ph. de.* *Pravus nunc vobis videor, quia vobis jam non intelligor*: le dessein de Guillaume Bouchet dans les Serées // *Contes et discours bigarrés* / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 89–101.
- Lecoite 1989 – *Lecoite J.* Naissance d'une prose inspirée: “prose poétique” et néoplatonisme au XVIe siècle en France // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1989. Vol. 51. № 1. P. 13–51.
- Lestringant 2011 – *Lestringant F.* Bigarrures // *Contes et discours bigarrés* / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 7–13.
- Loviot 1913 – *Loviot L.* Le mystérieux Seigneur de Cholières // *Revue des livres anciens*. Documents d'histoire littéraire, de bibliographie & de bibliophilie. 1913. fasc. 1. P. 37–49.
- Méniel 2013 – *Méniel B.* Comment la Renaissance percevait-elle le style de Platon? // *Cahiers de recherches médiévales et humanistes* [Электронный ресурс]. 25 | 2013, mis en ligne le 30 juin 2016, consulté le 08 novembre 2016. URL: <http://crm.revues.org/13138> (дата обращения 08.11.2016).
- Moss 1996 – *Moss A.* Printed commonplace-books and the structuring of Renaissance thought. Oxford: Clarendon Press, 1996. 345 p.

- Pérouse 1977 – *Pérouse G.-A.* Nouvelles françaises du XVIe siècle: images de la vie du temps. Genève: Droz, 1977. 576 p.
- Polizzi 2011 – *Polizzi G.* L'effet de la bigarrure: les *Contes et discours d'Eutrapel* comme danse macabre // *Contes et discours bigarrés / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard.* Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 69–86.
- Thomine 2011 – *Thomine M.-C.* Des “propos de table”? // *Contes et discours bigarrés / Sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard.* Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. P. 209–224.
- Thomine-Bichard 2015 – *Thomine-Bichard M.-C.* Etat du dialogue en France dans les années 1580: autour des “discours bigarrez” // *Les états du dialogue à l'âge de l'humanisme / Sous la dir. de E. Buron, Ph. Guérin et C. Lesage.* Tours: Presses univ. François-Rabelais, Presses Univ. de Rennes, 2015.
- Yates 1947 – *Yates F.A.* The French Academies of the Sixteenth Century. London: The Warburg Institute, University of London, 1947.

References

- Arnould, J.-C. (2011), “*Les Matinées et Les Apresdisnées* du seigneur de Cholières: la bigarrure des ‘exercices philosophiques’”, *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 133–144.
- Bichard-Thomine, M.-C. (1997), “Les avatars du genre facétieux: facétie et eutrapélie chez Noël du Fail”, *La nouvelle de langue française aux frontières des autres genres, du Moyen Age à nos jours. Actes du colloque de Metz, juin 1996*, V. Engel, M. Guissard (eds.), Quorum, Ottignies, France, pp. 122–135.
- Bichard-Thomine, M.-C. (2001), *Noël du Fail conteur*, Honoré Champion, Paris, France.
- Chartier, R. (1984), “Livres bleus et lectures populaires”, *Histoire de l'Édition Française*, H.J. Martin, R. Chartier (eds.), t. II, *Le livre triomphant, 1660–1830*, Promodis, Paris, France, pp. 498–511.
- Chartier, R. (1995), “Popular Appropriation: The Readers and Their Books”, *Forms and Meanings. Text, Performances, and Audiences from Codex to Computer*, Pennsylvania University Press, Philadelphia, USA, pp. 83–97.
- Chartier, R. (2006), *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Writing culture and Society], I. Staf (transl., afterword), Novoye izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Cordiner, V. (2011), “‘Si les exemples servent de quelque chose, je sais un beau conte à ce propos’. Mélanges récréatifs (surtout) didactiques dans ‘Les Contes et discours d'Eutrapel’”, *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 53–67.
- Flamand, J.-M. (2011), “Loys Le Roy, traducteur et commentateur du Sympose de Platon (1558)”, *Loys Le Roy, renaissance & vicissitude du monde.* Actes du colloque tenu à l'université de Caen (25–26 septembre 2008), D. Duport (ed.), Presses universitaires de Caen, France, pp. 31–50.

- Gaël, M. (1970), "Les Baliverneries d'Eutrapel de Noël du Fail (Etude historique et littéraire)", *Annales de Bretagne*, t. 77, no. 4, pp. 553–558.
- Goyet, F. (2018), *Le Sublime du "lieu commun". Invention rhétorique dans l'Antiquité et à la Renaissance*, Classiques Garnier, Paris, France.
- Guérin, Ph. (2006), "La 'Civile Conversation' de Stefano Guazzo: du dialogue à la 'conversation' ", *Le dialogue, ou les enjeux d'un choix d'écriture (pays de langues romanes)*. Actes du colloque international organisé par l'Equipe d'accueil ERILAR les 17 et 18 octobre.
- Janier, A. (2006), "*Les Serées*" (1584–1597–1598) du libraire-imprimeur Guillaume Bouchet (1514–1594), J.-Cl. Arnould (ed.), Champion, Paris, France.
- Jeanneret, M. (1994), "Le récit modulaire et la crise de l'interprétation. A propos de l'*Heptaméron*", Jeanneret M. *Le défi des signes. Rabelais et la crise de l'interprétation à la Renaissance*, Paradigme, Orléans, France, pp. 53–74.
- Kenny, N. (2011), " 'Ce qui occasionna ceste serée fut...': les 'causes' du savoir dans Les Serées de Guillaume Bouchet", *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 103–116.
- La Charité, C. (2011), "Les 'Serées' de Guillaume Bouchet ou les saturnales polyphoniques", *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 117–129.
- Lajarte, Ph. de (2011), " 'Pravus nunc vobis videor, quia vobis jam non intelligor': le dessein de Guillaume Bouchet dans les Serées", *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 89–101.
- Lecoite, J. (1989), "Naissance d'une prose inspirée: 'prose poétique' et néo-platonisme au XVIe siècle en France", *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*, vol. 51, no. 1, pp. 13–51.
- Lestringant, F. (2011), "Bigarrures", *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 7–13.
- Loviot, L. (1913), "Le mystérieux Seigneur de Cholières", *Revue des livres anciens. Documents d'histoire littéraire, de bibliographie & de bibliophilie*, fasc. 1, pp. 37–49.
- Méniel, B. (2013), "Comment la Renaissance percevait-elle le style de Platon?", *Cahiers de recherches médiévales et humanistes*, available at: <http://crm.revues.org/13138> (accessed 08.11.2016).
- Moss, A. (1996), *Printed commonplace-books and the structuring of Renaissance thought*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Pérouse, G.-A. (1977), *Nouvelles françaises du XVIe siècle: images de la vie du temps*, Droz, Genève, Switzerland.
- Polizzi, G. (2011), "L'effet de la bigarrure: les *Contes et discours d'Eutrapel* comme danse macabre", *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 69–86.
- Thomine, M.-C. (2011), "Des 'propos de table' "?", *Contes et discours bigarrés*, M.-C. Thomine-Bichard (ed.), Presses de l'université Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 209–224.

- Thomine-Bichard, M.-C. (2015), "Etat du dialogue en France dans les années 1580: autour des 'discours bigarrez' ", *Les états du dialogue à l'âge de l'humanisme*, E. Buron, Ph. Guérin and C. Lesage (eds.), Presses univ. François-Rabelais, Presses Univ. de Rennes, Tours, France.
- Yates, F.A. (1947), *The French Academies of the Sixteenth Century*, The Warburg Institute, University of London, London, UK.

Информация об авторе

Ирина К. Стаф, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, Поварская, д. 25а; irina.staf@gmail.com

Information about the author

Irina K. Staf, Cand. of Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya Street, Moscow, Russia, 121069; irina.staf@gmail.com